

„Дачники“.

Максима Горького.

(Ст. М. Невдомскаго).

Вчера я смотрѣлъ новую пьесу Горького и спенѣя. Сегодня прочелъ ее, и подъ свѣжим впечатлѣніемъ пишу.

Вчера особенно запечатлѣлись въ мнѣ моменты драмы. Первый—это сцена между героиней, Варей (г-жа Комиссаржевская) и влюбленнымъ въ нее центральнымъ „бичуемымъ“ типомъ въ пьесѣ, Рюминымъ. Прекрасная антитеза этихъ двухъ типовъ, жалкое безсиліе этого человѣка, съ издерганной душой, угнетаемой всю жизнь—страхомъ жизни, и прекрасная прямота чувства, которой полна Варя—эт полюсы. Полосы ихъ фигуры, ихъ движенія интонаціи и это именно пластично. И когда онъ робко, слабодушно, коснѣющимъ языкомъ объясняется ей въ любви, а она стоитъ передъ нимъ прямая, какъ струна, и съ жестокой благородной прямою отвергаетъ его—вы все это видите, слышите.

Вотъ конецъ діалога.

Рюминъ. И я прошу помощи! теперь я слабый, нервнѣйшій человѣкъ... но если бы вы захотѣли!..

Варя. Неправда! Не вѣрю вамъ! Все это только жалобныя слова! Вѣдь не могу же я переложить свое сердце въ вашу грудь... если я сильный человѣкъ. Я не вѣрю, что гдѣ-то внѣ человѣка существуетъ сила, которая можетъ переродить его. Или она въ немъ, или ея нѣтъ! Я не буду больше говорить... въ душѣ моей растетъ вражда...

Рюминъ въ концѣ пьесы дѣлаетъ попытку застрѣлиться, онъ все время проповѣдывалъ, что все спасенье въ обманѣ, что, только обманывая себя, человѣкъ можетъ найти миръ. Обстоятельства послѣднихъ сценъ разсѣяли обманы и онъ хотѣлъ „уйти навсегда“...

Вторая пластическая сцена происходитъ между женщиной-врачемъ Марьей Львовной и дочерью ея Соней. Первая, 37-лѣтняя женщина, полюбила юношу Власа, Варина брата, и отказывается отъ него, ибо ему всего 25. Она измучена его любовью и своимъ чувствомъ, которое считаетъ незаконнымъ. И во время пивника совсѣмъ усталая подсаживается. Она къ дочери, которая обо всемъ догадывается; Соня вспоминаетъ, какъ мать въ дни ея дѣтства, когда она плакала надъ нерѣшенной арифметической задачей, приглублила ее и цѣла колыбельную пѣсенку, и прислоняетъ голову матери къ своей груди, напѣвая ту же пѣсенку...

Наконецъ пластична и спенчна вся сцена IV-го акта, послѣ попытки къ самоубійству Рюмина. Эта попытка какъ бы открываетъ клапанъ. Гдѣ эти люди, тоскующіе или веселящіеся, но ненужные другъ другу, ненужные и для жизни, устали другъ отъ друга, а отношенія между представителями „культурности“, т. е. простой обывательщины, хотя и разукрашенной цвѣтами разныхъ интеллигентныхъ „высшихъ“ запросовъ, и представителями бодрыхъ и честныхъ взглядовъ на жизнь, истинно интеллигентными Варей, Власомъ и Марьей Львовной,—эти отношенія доходятъ до высшей напряженности... И послѣ горячей отповѣди псевдоинтеллигентамъ они всѣ трое уходятъ отъ нихъ. Варя разрываетъ со своимъ мужемъ, адвокатомъ Басовымъ; Власъ, служившій у него письмоводителемъ—бросаетъ эту службу; женщина-врачъ, и раньше ничѣмъ не связанная, уходитъ—къ себѣ...

Обѣ стороны высказываются въ эту минуту до конца.

Интеллигентные обыватели приведены въ ярость ироническимъ стихотвореніемъ-пародіей, которое Власъ бросилъ имъ въ лицо въ отвѣтъ на „возвышенно“-поэтическое стихотвореніе о „свѣжникахъ“, продекларированное эстеткой Калеріей, сестрой Басова. Пародія начинается такъ:

Маленькіе нудные людшкы
Ходятъ по землѣ моей отчизны.
Ходятъ и уныло ищутъ мѣста,
Гдѣ бы можно спрятаться отъ жизни.

Желчный инженеръ Сусловъ, у котораго только что рухнула стѣна на постройкѣ тюрьмы, обнажаетъ всю свою душу, а кстатѣ и душу своей компаніи, въ яростной, захлебывающейся рѣчи противъ Маріи Львовны. Последнюю компанія считаетъ резонершю, „не уважающей людей“ и т. д., и въ душѣ давно ненавидитъ.

Суловъ. Вы, Марья Львовна, такъ называемый идейный человѣкъ. Вы гдѣ-то тамъ дѣ-

лаете что-то таинственное... можетъ быть, великое, историческое, это ужъ не мое дѣло... Если мы живемъ не такъ, какъ вы хотите, у насъ есть на то свои причины.

Онъ указываетъ эти причины: нужда и трудъ въ юности и желаніе воспользоваться плодомъ этого, вознаградить себя теперь. „Естественно, что въ зрѣломъ возрастѣ намъ хочется много и вкусно ѣсть, хочется отдохнуть“... Оканчиваетъ онъ такъ: „Да, наконецъ, наплевать мнѣ на ваши... рассказы... призывы... идеи!“

Власъ вскакиваетъ и объявляетъ, что всѣ они „ряженые“ и что онъ сорветъ съ нихъ „лохмотья“, въ которые они рѣдятся, и всю жизнь отдастъ дѣлу этого разоблаченія. Варя тоже наконецъ высказывается: она ненавидитъ ихъ „ненасытимой ненавистью“, она броситъ этихъ бездѣльниковъ, и будетъ дѣлать что угодно, „что-нибудь... непременно... противъ нихъ!“ Вся эту сцену опять слышно и видно, это опять пластично, сильно, это отъ драмы.

Все остальное, кромѣ указанныхъ трехъ моментовъ, почти сплошь публицистика. Два слова объ этой публицистикѣ. Скажу тутъ же, что въ этомъ смыслѣ новая драма Максима Горького много выше всѣхъ его прежнихъ вещей для сцены. Есть и обычные недостатки. Рѣчь уснащена „крылатыми“, яркими словами; большинство персонажей—и ужъ безусловно всѣ представители истинной интеллигенціи—говорятъ однимъ языкомъ, и это—языкъ самого автора. Но много неподдѣльно-прекрасныхъ мѣстъ, написанныхъ съ душой, особенно въ рѣчахъ Вари. Рѣдко въ нашихъ драмахъ „положительные“ типы находятъ такіа подлинныя выраженія для дорогихъ автору мыслей. Затѣмъ сатирическія, бичующія мѣста полны живой и глубокой злости: они кусаютъ противниковъ въ самое сердце... Пожалуй, такихъ мѣстъ слишкомъ много. Злоба—слишкомъ напряженная. Читая эти діатрибы, которыя Горькій сыплетъ на голову своихъ соотечественниковъ, я вспоминалъ наиболѣе жестока бичеванія въ драмахъ Ибсена. Этогъ возмущившійся противъ своей страны „маленькихъ людей“ норвежець бичевалъ ихъ больно, беспощадно. Публицистическій или дидактическій характеръ его драмъ достигаетъ высокой напряженности... Но вездѣ ощущается знаніе мѣры. Горькому мѣра чувства... Великій норвежець, правда, писалъ свои драмы не на роднѣ. Онъ убѣждалъ въ мирный Римъ, въ Мюнхенъ и оттуда посылалъ свои сатиры-драмы. Что было бы съ нимъ, если бы онъ оставался дома, если бы ежесекундно подвергался уколамъ окружающей среды, на которую онъ, словно левъ, рычалъ изъ своего прекраснаго далека? Можетъ быть, и онъ утратилъ бы чувство мѣры при всей религіозности его отношенія къ художеству... Нашему нетерпѣливому врагу „интеллигентской обывательщины“ ужъ конечно не до чувства мѣры. Это минуетъ, огромный минуетъ,—въ драмѣ, минуетъ даже въ публицистикѣ, но... но что же тутъ присовѣтуешь?—Развѣ вотъ поѣздку въ „прекрасное далеко“?..

Злая публицистика Горького направлена противъ псевдо-интеллигенціи.

Въ этомъ отношеніи драма написана съ ясностью, не оставляющей желать лучшаго. Я бы сказалъ, что Горькій здѣсь правъ и неправъ, что онъ сузилъ свою мысль, какъ бы обворовалъ самого себя. Къ этой сторонѣ дѣла я, впрочемъ, еще вернусь. Но зато публицистика мѣтко бьетъ въ совершенно опредѣленную цѣль и никакіе, столь обычные, толки объ отрицаніи интеллигенціи, каковыми якобы занимается Горькій въ своихъ писаніяхъ, по поводу „Дачниковъ“ возникнуть не могутъ. Достаточно одного такого діалога:

Замысловъ (помощникъ адвоката, Басова). Именно эта сложность нашей психики и дѣлаетъ насъ лучшими людьми страны—сирѣчь интеллигенціей, а вы...

Варя. Интеллигенція—это не мы. Мы что то другое... Мы дачники въ нашей странѣ. Какіе-то прѣзжіе люди. Мы суетимся, ищемъ въ жизни удобныхъ мѣстъ... мы ничего не дѣлаемъ и отвратительно много говоримъ

Вся злость, вся желчь сатиры направлена на этихъ гордыхъ своею „сложностью“, „ряженыхъ“, по выраженію Власа, людей, самодовольныхъ, при всемъ ихъ нитѣ и страхѣ передъ жизненной правдой, людей, въ сущности своей—банальныхъ и пустыхъ, столь далекихъ отъ „истиннаго аристократизма духа“, какъ мало кто иной, и лишь прикрывающихъ „лохмотьями“ всевозможныхъ возвышенностей и утонченностей свою наготу, а то и щеголяющихъ во всей наготѣ, какъ адвокатъ Басовъ или инженеръ Суловъ... (Н. Ж.)

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Дачники“.

Максима Горькаго.

Ст. М. Невѣдомскаго.

(Продолженіе).

Въ прошлый разъ я успѣлъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указать на внѣшній стороны „Дачниковъ“ и на суть вложенной въ нихъ публицистики.

Перехожу къ содержанію пьесы.

Она начинается съ красивой, если хотите—символической, сценки. Гостиная на дачѣ адвоката Басова. Онъ сидитъ за столомъ и пишетъ въ глубинѣ кабинета, дверь котораго выходитъ въ столовую, а въ послѣдней темно. Его жена Варвара Михайловна выходитъ изъ своей комнаты въ столовую, наткнувшись на мебель, пробуетъ зажечь спичку, но та тотчасъ гаснетъ, и опять тьма. На минуту только засвѣтилось среди мрака симпатичное лицо героини пьесы...

Даютъ огня. Между супругами происходитъ разговоръ, рисующій тупо-легкомысленнаго Басова, да заразъ и самое Варю.

Онъ давно замѣчаетъ, что она „холодна съ нимъ, не ласкова“. Проситъ объяснить причину. Но ему некогда дожидаться отвѣта: онъ торопится къ сосѣду, инженеру Суслову, гдѣ его ждутъ карты. Варя только улыбается на это...

„Нездоровится?“—Нѣтъ, я здорова.—„Знаешь... надо бы тебѣ чѣмъ-нибудь заняться, дорогая моя Варя! Ты вотъ все читаешь... очень много читаешь! А вѣдь всякое излишество вредно, это фактъ!“—Не забудь объ этомъ фактъ,—отвѣчаетъ ему Варя,—когда будешь пить красное вино у Суслова.

Онъ распространяется немного объ этихъ „модныхъ, пряхныхъ книжкахъ“, которыя сочиняютъ „какіе-то нервно-растерзанные господа“...

Позицій обоихъ супруговъ опредѣлены. Съ первыхъ словъ онъ стоитъ передъ нами весь, со своей гигиенически-эпикурейской мѣщанской философійю, съ этимъ обычаемъ все неудобное объяснять „нервами“... Эти „нервы“, ссылки на „Нашъ нервный вѣкъ“ Краффта-Эбинга (хотя большинству знакомо одно заглавіе книги) замѣняютъ у многихъ всякую работу мысли... Какъ въ общественныхъ вопросахъ подобные господа избавляютъ себя отъ всякихъ трудныхъ проблемъ ссылкой „на жиду“, на „коварный Альбионъ“, да на „заграничныхъ агитаторовъ“,—такъ во всемъ прочемъ ихъ выручаетъ идея о „нашемъ нервномъ вѣкѣ“. Сколько ихъ такихъ!..

Варя тоже сразу налицо—со своей прямою, со своей интеллигентной головкой, со своей привычкой жить „про себя“,—въ одиночествѣ среди чуждой ей компаніи...

Она еще не подозреваетъ, что такъ близка къ разрыву и съ мужемъ, и со всей его средой.

Когда возвращается изъ города Власть, ея братъ, служащій письмоводителемъ у Басова, а самъ Басовъ вмѣстѣ съ зашедшимъ за нимъ Сусловымъ уже отправился осуществлять свою философію за картами, между братомъ и сестрой происходитъ душевный разговоръ. Имъ обоимъ плохо живется. Власть все время балагуритъ и выкидываетъ штуки, ибо „не любить,

когда другіе видятъ, что ему нехорошо“. Такъ онъ объясняетъ свои „штуки“ сестрѣ. Варя, въ своей стороны, признается:

„Знаешь... иногда, вдругъ—какъ-то... ни о чемъ не думая, всѣмъ существомъ почувствуешь себя точно въ плѣну... Все кажется чужимъ... скрытно враждебнымъ тебѣ... все такое не нужно никому. И всё какъ-то не серьезно живутъ“...

Это настроеніе Вари, по мѣрѣ хода пьесы, все растетъ, становится все опредѣленнѣе и сознательнѣе. Она, прежде „не умѣвшая высказываться“, произноситъ горячія рѣчи сначала „тѣтъ-а-тѣтъ“, какъ въ приведенной мною въ прошлый разъ сценѣ объясненія съ Рюминымъ, а затѣмъ въ послѣднемъ дѣйствіи—высказывается до конца передъ всѣми.

Переломъ въ настроеніи ея вызванъ появленіемъ литератора Шалимова. Когда-то, гимназисткой, она слышала его чтеніе и увѣровала въ него: она увидѣла въ немъ человѣка, „который знаетъ, что онъ любитъ и что ненавидитъ... знаетъ свою силу“. Онъ тогда писалъ вещи содержательныя, искреннія. Черезъ восемь лѣтъ, истомленная атмосферой, ея окружающей, она ждала его „какъ весны“... И онъ явился—накрахмаленный, съ плавными манерами и плавной рѣчью, съ плѣшью, замѣнившей прежнюю буйную шевелюру, а въ душѣ—такой же нравственный банкротъ, какъ Рюминъ. Онъ чувствуетъ, что теряетъ читателя,—признается онъ пріятелю своему Басову; онъ боится народившагося недавно „новаго читателя“, и понимаетъ въ немъ только одно: читать Шалимова онъ не станетъ... Оно впрочемъ и резонно, ибо сей Шалимовъ уже не знаетъ, „о чемъ писать, какъ писать...“ Г-нъ „Номо новус“ въ своемъ фельетонѣ въ *Руси* говорить, что радъ бы вѣрить Горькому, но самъ, дескать, сомнѣвается въ народненіи такого читателя-демократа. Пусть же возрадуется г. „Номо новус“. Первая справка въ любомъ книгоиздательствѣ дастъ ему утѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Новый читатель—это не только бывший „варваръ“, какъ выражается Шалимовъ въ разговорѣ съ хорошо понимающей его сестрой Басова, Калеріей. И интеллигентъ изъ культурной среды теперь глухъ къ голосу Шалимовыхъ. Онъ знаетъ, что эти господа могутъ угощать его только старой филантропической жвачкой, пережевываніемъ старыхъ, нѣкогда нужныхъ, но нынѣ окончательно обанкротившихся чувствъ и идей. Г-нъ „Номо новус“ совершенно не замѣтилъ той самоочевидной стороны драмы Горькаго, на которую мы уже дважды указывали. Критикъ проситъ снисхожденія для нашей интеллигенціи. На интеллигенцію Горькій не поднимаетъ бича. Я не знаю во всей нашей драматической литературѣ болѣе горячей апологіи этой интеллигенціи. Нужды нѣтъ, что Варя и Власть по происхожденію „варвары“, дѣти прачки и повара. Генеалогія Маріи Павловны не указана, а она именно самая настоящая, уже опредѣлившаяся интеллигентка, тогда какъ Власть съ Варей лишь нарождающиеся люди. Да и смѣшно думать, чтобы Горькій проводилъ такую наивную генеалогическую классификацію своихъ героев...

Съ перваго акта въ домъ Косовыхъ толпятся ихъ сосѣди-дачники. И это цѣлая кол-

лекція—какъ бы выразиться? — очень рѣзко очерченныхъ моральныхъ разновидностей интеллигентной обывательщины. Помимо поэте-сы Калеріи, все время сочиняющей звучныя строфы о „снѣжинкахъ“, объ „эдельвейсѣ“ и бормочущей про себя афоризмы вроде: „солнце всходитъ и заходитъ, а въ сердцахъ людей всегда сумерки“, „ночь много лучше дня“ и т. п., здѣсь толкутся: Замысловъ—помощникъ Басова, легкомысленный виверъ, живущій съ женой инженера Суслова; Ольга Александровна, первая, съ душой, перемоловшея въ муку, да еще въ подкисшую муку, вѣчно жалующаяся на хлопоты съ дѣтьми: „Какъ мучительно-трудно быть женщиной“, сама себя презирающая и выскивающая гадости во всѣхъ близкихъ (она замужемъ за чудачкомъ-докторомъ Дудаковымъ, истиннымъ работягой, съ прямой, но какой-то косноязычной душой и косноязычнымъ же говоромъ); затѣмъ—Рюминъ, человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій, нервно и повышенно, съ безсильнымъ жаромъ дебатирующій „вопросы, рѣшеніе которыхъ такъ важно, необходимо“; озлобленный, желчный, циникъ въ душѣ, инженеръ Сусловъ, развратившій свою жену, красавицу Юлію Филипповну; это именно у него въ послѣднемъ актѣ „точно нарывъ прорвался“, какъ говорить докторъ Дудаковъ, и гной этого нарыва онъ изливаетъ въ праведенной уже нами захлебывающейся ругани противъ „идейныхъ людей“... Его жена измѣняетъ ему, но тоскуетъ среди этой мерзости, и любить *все читаетъ*: Варю, Власа, Марью Павловну... стихотворенія Калеріи о „снѣжинкахъ“ и „эдельвейсѣ“; при людяхъ—она веселая „львица“, одна—постоянно распѣваетъ какую-то грустную, все одну и ту же, пѣсенку...

Всѣ эти категоріи „интеллигентной обывательщины“ занимаютъ самохарактеристику—каждый представитель съ самаго перваго своего выхода.

Къ Рюмину авторъ все же относится мягче, чѣмъ къ остальнымъ. Въ его фигурѣ воплощается лучшее, что есть въ этой средѣ:—серьезные дебаты о важныхъ матеріяхъ, соединенные съ внутреннимъ сознаниемъ, что это лишь „дебаты“, что любовь его ко всему этому, такъ же какъ и къ женщинамъ, по замѣчанію Калеріи,—есть только теплая и безсильная любовь—вся въ словахъ. Вотъ его первый выходъ: „Я не умѣю говорить спокойно—о томъ... что такъ важно, необходимо рѣшить“... А немного далѣе:

„Правда груба и холодна, и въ ней всегда скрытъ тонкій ядъ скептицизма. Вы сразу можете отравить ребенка, открывъ передъ нимъ всегда страшное лицо правды“. Рюминъ говорить о „правѣ человѣка желать обмана“: „Онъ не можетъ уячужить противорѣчій жизни, у него нѣтъ силъ изгнать изъ нея зло и грязь—такъ не отнимайте же у него права не видѣть того, что убиваетъ душу... Человѣкъ хочетъ забвенья, отдыха... мира хочетъ человѣкъ“.

А еще до его выхода Варя цитировала его слова: „Любовь къ женщинѣ есть трагическая обязанность мужчины“.

Калерія съ перваго выхода бормочетъ: „Въ лѣсу тихо. Луна—ласковая, тѣни густыя, темныя. День никогда не можетъ быть красивѣе ночи“ и пр.

Ольга Александровна „сама иногда чувствуетъ себя противной и жалкой“. „Мнѣ кажется, что душа моя вся сморщилась и стала похожа на маленькую собачку, которая никого не любитъ и всегда хочетъ незамѣтно укуситься“... Всѣ дальнѣйшія ея слова и дѣйствія лишь подтверждаютъ эту автохарактеристику.

Замысловъ съ перваго выхода сообщаетъ публикѣ, что онъ спорилъ съ Соней (интеллигентнымъ, искреннимъ существомъ, дочерью врача Марьи Павловны) и ея женихомъ—студентомъ Зиминымъ: они утверждали— „что жизнь дана для ежедневнаго упражненія въ разрѣшеніи разныхъ социальныхъ, моральныхъ и иныхъ задачъ, а я доказывалъ, что жизнь есть искусство смотрѣть на все своими глазами, слышать своими ушами“...

Юля.—Это вздор!

Замысловъ.—Я его сейчасъ только выдумалъ, но чувствую, что это останется моимъ твердымъ убѣжденіемъ! Жизнь—искусство находить во всемъ красоту и радость, даже искусство ѣсть и пить... Они ругаются, какъ вандалы.

Какъ я уже замѣтилъ, этимъ толкущимся около Басовыхъ псевдо-интеллигентамъ противопоставлена кучка интеллигентовъ истинныхъ—„зарождающихся“ (Варя, Власъ) и уже опредѣлившихся (Марія Павловна, дочурка ея Соня и ея женихъ). Противопоставленіе рѣзкое, подчеркнутое тремя чертами, и развѣ только „генеалогія“ можетъ вводить иныхъ зрителей въ заблужденіе. Успенскій опредѣлилъ интеллигентнаго приблизительно такъ: освобождая это понятіе отъ всякаго классового и „генеалогическаго“ содержанія, онъ говоритъ, что интеллигентъ тотъ, кто является источникомъ свѣта для окружающихъ. Активный, дѣятельный моментъ въ психикѣ такого человѣка—вотъ что выдвигаетъ на первое мѣсто Успенскій. Пониманіе Горькаго совершенно аналогичное. Всѣ „интеллигентные обыватели“, даже наиболѣе тонкіе и искренніе изъ нихъ, какъ Рюминъ, во всѣхъ своихъ „дебатахъ“ не выходятъ изъ предѣловъ самоудовлетворенія. Даже въ нитьѣ, въ пессимизмѣ, въ самоотрицаніи, какъ у Рюмина, даже въ страданіяхъ ихъ есть элементъ любованія своей „сложностью“ и „возвышенностью своего духа“, есть тотъ экзистенциализмъ, который парализуетъ всякую возможность и всякое желаніе—служить свѣтому. И оторванные отъ жизни, замкнутые въ удушающей атмосферѣ своихъ ничтожныхъ я, отравленные культомъ своей „сложности“, не имѣя ни почвы подъ ногами, ни здоровыхъ чувствъ, которыя могли служить имъ компаньонами въ ихъ „дебатахъ“, они обречены на болѣе или менѣе красивое, а то и просто циничное и грязное банкротство.

Совершенно не вмѣщаясь ни въ одинъ изъ описанныхъ двухъ лагерей, совсѣмъ особнякомъ стоитъ фигура купца съ дикой фамиліей Двосточіе. Онъ вернулся изъ Сибири—что онъ тамъ дѣлалъ и почему туда попалъ, изъ драмы не выясняется—и поселился у племянника своего, инженера Суслова. Онъ жилъ одно время почти нищимъ, но завелъ фабрику, сколотилъ миллионъ, а теперь, продавши предпріятіе „нѣмцамъ“, которые все умѣютъ дѣлать „лучше и дешевле“, живетъ не у дѣла, стоитъ какъ бы внѣ жизни, поглядывая на нее со

стороны. Онъ всегда веселъ, шутить и хохочетъ; умъ у него отъ природы недюжинный, живой и здоровый. Единственная его бѣда—это огромныя, праздныя теперь руки, съ которыми онъ не знаетъ, что дѣлать и на которыхъ поглядываетъ иногда съ недоумѣніемъ. „Чудно вы живете тутъ, господа“,—вогъ его оцѣнка всей сутолки „дачниковъ“. Марья Павловна подсказываетъ ему мысль употребить деньги на какое-нибудь общественное дѣло, и онъ тотчасъ хватается за эту мысль. Когда Варя и Власъ, наконецъ, рѣшаются порвать съ компаніей, онъ на первое время предлагаетъ ихъ пріютить у себя. Это очень оригинальный и живой типъ въ драмѣ. Въ немъ есть что-то отъ Маякина изъ „Томы Гордѣва“, и отъ Луки изъ „На днѣ“. Что-то плутовато-скептическое, трезвое и полное силъ.

Вотъ и всѣ дѣйствующія лица. Ясныя съ перваго ихъ выхода они потомъ лишь даютъ „подтверженія“, развивая каждый свою философію. Событій, дѣйствій почти нѣтъ. Въ первомъ актѣ они, вся компанія почти, заходятъ съ прогулки къ Басовымъ и „аттестуютъ“ себя. Въ первомъ же актѣ пріѣзжаетъ многожданный Варей—Шалимовъ, и сразу же ее разочаровываетъ своей фигурой напомаженного мертвеца... Второе дѣйствіе—происходитъ у крыльца дачи Басовыхъ. Здѣсь аттестуютъ себя—Шалимовъ, въ откровенной бесѣдѣ съ Басовымъ, и только что прибывшій къ племяннику Двоеточіе. Варя все болѣе и все безповоротнѣе убѣждается въ пошлости мужа, не замѣтившаго ея присутствія на верандѣ и проболтавшагося о своемъ отношеніи къ ней; она уже иронически трактуетъ „всамдѣлшнаго литератора“ (шуточно-комплиментарное выраженіе Басова). На второмъ планѣ противъ веранды Басовыхъ построена открытая сцена. Собираются любители-артисты, толкуются у подмостокъ, суетятся, увеличивая впечатлѣніе общей сутолки и пустопорожности. Появляется совѣтъ уже „пропедалировавшій“ свои мозги велосипедистъ, онъ же и актеръ-любитель. Юлія Филипповна, жена Суслова, присоединяется къ этой компаніи „представляющихъ, что кому нравится“, по выраженію сторожа Пустобойки. Эта открытая сцена тоже символическій приемъ, ступающій сатиру, подчеркивающій еще третьей чертой то, что уже подчеркнуто было двумя. Третій актъ—пикникъ. Атмосфера напряженная: всѣ эти „сложные“ люди уже жестоко надѣли другъ другу и злословятъ. Какъ это иногда бываетъ, лѣтній теплый вечеръ вызываетъ цѣлый рядъ любовныхъ объясненій. Замысловъ, повидимому, объяснился—и успешно—съ Юліей Филипповной. Жалкій Рюмианъ, давно влюбленный въ Варю, впервые пробуетъ высказаться, и между ними происходитъ та прекрасная сцена, которую мы уже описали въ прошлый разъ. Послѣ него пробуетъ надѣ Варей свой общепризнанный талантъ Донъ-Жуана—литераторъ. Но Варя уже не гимназистка, да и онъ не тотъ „сильный и крѣпкій“, о которомъ она некогда мечтала. Она давно раскусила его и съ презрѣніемъ выводитъ на чистую воду. „Вы не очень ловкій соблазнитель“, говоритъ она ему и уходитъ, а онъ шипитъ ей въ слѣдъ: „Эхидна“... Тутъ же, на той-же лужайкѣ соснового лѣса (декорація

г. Коленды очень удачна—въ новомъ „домѣ“ стилѣ)—происходитъ и объясненіе ду Власомъ и Маріей Павловной. По Варю, она сблизилась съ нимъ. Онъ въ ней истинный „источникъ свѣта“, этотъ горячій 25-лѣтній юноша, скрытый подъ своими вѣчными язвительными ранами тоскующую душу, полюбилъ ее прочимъ, но пьесѣ разница между ихъ—2 лѣтъ. На сценѣ Власъ смотритъ лѣтнимъ, Марія Павловна—женщиной сорокъ.

Это неудачное распределеніе ролей до къ тому, что публикѣ показалось нымъ отчаяніе Марьи Павловны: ну, что отдѣлаться отъ курьезнаго ребенка-обожателя? Во время чудесной, плѣняющей чистоты и трогательной сцены, о которой упоминали, гдѣ Соня поетъ матери колыбельную пѣсню и баюкаетъ ее, публика въ нихъ мѣстахъ смѣялась... Номо подалъ изъ этого обстоятельства грустные мысли о публикѣ. Я полагаю, что груститъ лишь объ акустикѣ театра г-жи Комисарской да объ неудачномъ распределеніи двухъ ролей.

Четвертый актъ, единственный драматическій актъ, мы уже пересказали въ первомъ фельетонѣ. Обостренность отношеній между двумя лагерями растетъ и растетъ, достигая высшей своей напряженности, послѣ откровенной фразы о Варѣ, сорвавшейся у нее по поволу ея горячаетъ и прекрасно скажетъ реплики, онъ бросаетъ въ сторону: „Зачѣмъ Валаамова ослица“... Власъ въ бѣшеніи Масло въ огонь подливаетъ пошлое изреченіе: „Чтобы успокоить женщину, надо почаще ласкать ее беременной“. Чтобы, затупевшая ласковость положенія, Калерію просить мировать „О снѣжинкахъ“. Власъ отъ экстремизма—въ томъ же размѣрѣ—ленкихъ нудныхъ людшвахъ“. Затѣмъ минуть, простившійся незадолго передъ тѣмъ Варей, пытается застрѣлиться. Его приподъ руку сторожъ. Бѣгутъ за Маріей Павловной и докторомъ Дулаковымъ. Рана опасная. Но этотъ хирургическій случай къ вскрытію моральнаго „нарыва“, и новые гости на пиру „сложныхъ“ людей дѣтъ отъ нихъ, кидая имъ свое проклятіе.

Приведемъ отновѣдъ, вырывающуюся у Варю. Нѣтъ, пусть эти люди слушаютъ дорого заплатила за мое право говорить вамъ откровенно! Они изуродовали душу, они отравили мнѣ всю жизнь!

Басовъ. Другъ мой...

Варя. Я никогда не была твоимъ другомъ и ты моимъ... никогда! Мы были только жемъ и женой... Теперь мы чужіе. Я никогда не была твоей женой...
Басовъ. Куда? Ну, какъ не стыдно, При людяхъ, на улицѣ!

Варя. Здѣсь нѣтъ людей...

И далѣе:

„Да, я уйду! Дальше отсюда, гдѣ тебя все гнѣетъ и разлагается... Дальше бездѣльниковъ. Я хочу жить! Я буду что-то дѣлать... противъ васъ... Противъ васъ, О, будьте вы прокляты“.

Таково въ краткомъ пересказѣ содержание новой драмы Горькаго.